

УДК 821.161.1-1

**МЫ И ДРУГИЕ:
РЕФЛЕКСИЯ РУССКИХ ПОЭТОВ ПО ПОВОДУ ИХ КОЛИЧЕСТВА**

С. Ю. Артёмова

Тверской государственный университет
кафедра теории литературы

В статье рассматривается один из аспектов темы «поэт и толпа» на материале лирики XX века. Рефлексия русских поэтов по поводу их количества и реализация в поэтическом слове позволяют воплотить представление об отношениях «поэт и другие», характерное для лирики XX века.

Ключевые слова: *диалог, декларация и реализация, поэтическое слово, лирика XX века, поэтическое «я», лирический субъект*

Исходным понятием философии начала XX века является понятие диалога [2; 3]. Этот диалог представляет собой соотношение двух этически равноправных начал – Я и Ты. Однако в сознании Я эти два начала отнюдь не равноправны. Наша задача – рассмотреть эту иерархию на примере противопоставления поэта и толпы в русской лирике.

Точка зрения поэта в классицизме осознавалась как «истинная» («истину царям с улыбкой говорить» [5]), а значит, внешняя по отношению к другим персонажам и над ними стоящая. «Отношения... я/другой выстраиваются ... как субъектно-объектные отношения» [2]. При этом поэт – Я – всегда противопоставлен всем Другим, иными словами, «ты царь, живи один...» [10, с. 474].

Оппозиция поэта и толпы (избранников неба и профанов) характерна и для русской поэзии к. XVIII – нач. XIX вв. Но она строится уже по другим законам. Поэт, конечно, избранник неба, но у толпы, которая «в детской ревности колеблет... треножник» [10, с. 474], есть свои основания для этого, каждая сторона по-своему права. Отношения поэта и Других становятся субъектно-субъектными. Пушкин пишет «Разговор книгопродавца с поэтом» в жанре диалога, тем самым ценностно уравнивая позиции Я и Другого.

Это обусловило взгляд на поэта, возникший в эпоху романтизма: Поэт (Я) противопоставлен толпе, но при этом он не один, есть особый узкий круг посвященных, обозначенный местоимением *мы* и включающий в себя либо поэта и его собеседника (в жанре поэтического послания), либо поэта и других поэтов. Впервые о *мы* как поэтическом братстве заговорил А. С. Пушкин в одной из «Маленьких трагедий». В финальной сцене пьесы Моцарт («Моцарт и Сальери») говорит: «Нас мало избранных, счастливцев праздных, // Пренебрегающих презренной пользой, // Единого прекрасного жрецов» [9, с. 450].

В поэзии начала XX века, в период, когда поэты либо объединяются по каким-либо эстетическим принципам (течения модернизма), либо притягиваются личностью другого поэта (школы, «Башня» Вяч. Иванова и т. п.), тенденция к осознанию поэтом себя в «коалиции» с другими проявилась во

множестве вариаций. Причем вариации эти зависят от идеологии и индивидуальных склонностей авторов, но сам принцип противопоставления *нас* и *других* сохраняется.

Именно в этот период появляется несколько поэтических деклараций мало- или многочисленности поэтов, принадлежности Я к поэтическому сообществу Мы. Такой пример поэтического братства возникает в стихотворении Б. Л. Пастернака, которое становится своего рода девизом поэтов (Б. Пастернак, В. Маяковский, Н. Асеев):

Нас мало. Нас, может быть, трое
Донецких, горячих и адских
Под серой бегущей корою
Дождей, облаков и солдатских
Советов, стихов и дискуссий
О транспорте и об искусстве [8, с. 202].

Это действительно декларация общности поэтических принципов, декларация поэтической свободы: «Мы были людьми. Мы эпохи. // Нас сбило и мчит в караване, // Как тундру под тендера вздохи // И поршней, и шпал порыванье. // Слетимся, ворвемся и тронем, // Закружимся вихрем вороньим, // И – мимо!» [8, с. 202]

Мир МЫ противопоставлен здесь миру Других, непосвященных, профанов: «...Вы поздно поймете. // Так, утром ударивши в ворох // Соломы – с момент на намете, – // След ветра живет в разговорах // Идущего бурно собранья // Деревьев над кровельной дранью» [8, с. 202].

Поэты не случайно сравниваются со стихией, со временем, ветром и вихрем. Интересно даже не то, *какие* именно поэты и почему именно они называются Пастернаком (это могло бы стать предметом отдельного исследования), интересно другое – немногочисленность («нас мало»), но всеильность. Мы – субъекты, поэт больше не одинок.

Эту иерархию ценностей, противопоставление Нас и Других воплощает в своем стихотворении и В. В. Набоков: «Нас мало – юных, окрыленных, // не задохнувшихся в пыли, // еще простых, еще влюбленных // в улыбку детскую земли. // Мы только шорох в старых парках, // мы только птицы, мы живем // в очарованья пятен ярких, // в чередованья звуковом» [7].

Мы не поддаемся быгу и повседневности, мы не такие, как все, мы ни с кем не хотим спорить, но тем самым мы вступаем в оппозицию с веком:

Мы только мутный цвет миндальный,
мы только первопутный снег,
оттенок тонкий, отзвук дальний,—
но мы пришли в зловещий век.

Навис он, грубый и огромный,
но что нам гром его тревог?
Мы целомудренно бездомны,
и с нами звезды, ветер, Бог [7].

Мы – те же самые, поэты, а другие меняются: у Пастернака это современники-читатели, у Набокова зловещий век. Несмотря на то, что у

Набокова «мало» не претворяется в конкретную цифру, Мы противопоставлены остальным, другим, объектам среди субъектов.

Стихотворение М. И. Цветаевой является вариацией на тему не Других, а Нас. Основой для стихотворения Цветаевой стал текст А. А. Тарковского «Стол накрыт на шестерых...» [12], в котором речь идет о воссоединении живых и умерших за одним столом. Но Цветаева в своем поэтическом отклике пишет о поэзии. Именно поэт должен стать «седьмым», поскольку он не может быть один, нуждается в братстве подобных:

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых —
Быть призраком хочу — с твоими... [13]

В творчестве Цветаевой индивидуальность поэта была визитной карточкой. Но в то же время поэт (Я) осознает не только свое могущество («я жизнь, пришедшая на ужин»), но и принадлежность определенному кругу «своих»:

И – гроба нет! Разлуки – нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть – на свадебный обед,
Я – жизнь, пришедшая на ужин... [13]

В данном случае «седьмая», «жизнь, пришедшая на ужин» – это не только аллюзии на пушкинские тексты, но и попытка разговора о том, что поэт не только противопоставлен не-поэтам, но и связан незримой нитью с такими же, как он. Субъект осознает свою принадлежность к кругу субъектов.

Стихотворение А. Ахматовой «Нас четверо (Комаровские наброски)» также намечает круг «избранных счастливых» путем подсчета поэтов: «Все мы немного у жизни в гостях, // Жить – этот только привычка. // Чудится мне на воздушных путях // Двух голосов переключка. // Двух? А еще у восточной стены, // В зарослях крепкой малины, // Темная, свежая ветвь бузины... // Это – письмо от Марины» [1]. Личности поэтов обозначены сначала в эпитафиях, а затем непосредственно в самом тексте («переключка двух голосов на воздушных путях» – имеются в виду Пастернак и Мандельштам, «ветвь бузины» – Цветаева). Субъекты образуют сообщество Мы (о чем и заявлено в заглавии), хотя в самом тексте сначала заявлено Я, а уже потом оно преобразуется в Мы.

Конечно, разные поэты декларируют «нас мало», «нас трое», «нас четверо» и называют разные имена «поэтического олимпа», что говорит о личных ощущениях «избранности». В любом случае перед нами поэтическая декларация избранничества, индивидуальности и одновременно сближения разных индивидуальностей, их равновеликости, эстетической и человеческой общности в форме лирического *мы*.

Еще одна четверка поэтов появляется в стихотворении А. А. Вознесенского «Нас много. Нас может быть четверо...» (имеются в виду А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Рождественский, Б. Ахмадулина, которой это стихотворение посвящено):

Что нам впереди предназначено?
Нас мало. Нас может быть четверо.

Мы мчимся –
а ты божество!

И все-таки нас большинство [4].

Интересно, что Вознесенский играет на контрасте «нас много» – «нас мало», а в заключение звучит вывод – «а все-таки нас большинство». Поэтическая декларация имеет иную семантику – хоть нас и мало «избранных счастливых», но мы живем на «убийственной из скоростей», мы настолько иные и настолько прекрасны, что «нас большинство». Здесь Мы противопоставлены Другим. Иная поэтическая декларация отношений Мы-Другие заявлена в стихотворении В. В. Маяковского «Послание к пролетарским поэтам» [6]. Здесь в качестве «своих» упоминаются тоже четыре поэта (В. Маяковский, А. Безыменский, М. Светлов, И. Уткин): «...розданные // Луначарским // венки лавровые – // сложим // в общий // товарищеский суп» [6].

Если у Пастернака или Ахматовой речь шла об индивидуальности и равновеликости субъектов, то у Маяковского – об одинаковости и равенстве всех точек зрения «своих поэтов»: «Решим, // что все // по-своему правы. // Каждый поэт // по своему // голосу! // Разрежем // общую курицу славы // и каждому // выдадим // по равному куску» [6]. Но при этой декларации равенства поэтов выстраивается вертикальная схема коммуникации: Я говорю с вами как субъект с объектами. Стихотворение показывает «советский» подход к вопросу об избранничестве поэта – «больше поэтов хороших и разных», устремленность на стройку светлого будущего. «Нас мало» деформировалось здесь в «нас много», и каждому поэту отдается равная доля, «курицы славы по равному куску». Поэтическая исключительность, свобода гения уступает место одинаковости, общность субъектов превращается в общность объектов. Я исчезает, но исчезает и Мы как общность поэтов, остаются только Другие, и им (поэтам хорошим и разным) предстоит строить будущее.

И совершенно иной, неожиданный вариант отношений поэтов и Других выстраивается в стихотворении Я. В. Смелякова «Три витязя». Здесь поэтов трое (Б. Корнилов, С. Васильев, Я. Смеляков), но Мы противопоставляются не Другим, а самому Слову. Теперь Мы – это не просто братство поэтов, их духовная общность, а охота («с рогатиной на слово») и служба во искупление грехов перед словом.

Мы шли втроем с рогатиной на слово
и вместе слезли с тройки удалой –
три мальчика,
три козыря бубновых,
три витязя бильярдной и пивной.

...

Мы вместе жили, словно бы артельно.
но вроде бы, пожалуй что,
не так –
стихи писали разное и отдельно,
а гонорар несли в один кабак [11].

Субъекты, осознающие свою индивидуальность и схожесть одновременно, «нераздельность и неслиянность», противопоставляют себя объекту: «Вот так втроем мы отслужили слову // и искупили хоть бы часть греха – // три мальчика, // три козыря бубновых, // три витязя российского стиха» [11].

Слово осознается как мучитель, а поэты – как мученики, одновременно герои-витязи и преступники перед словом (бубновый туз – козырь – нашивался на спину убийцам). Внося «оброк» в русскую литературу, они охотятся за словом и вершат русскую литературу. Мы борются не с Другими, а сами с собой и со Словом, которому служат.

Таким образом, перед нами при декларации одиночества поэта, в стихах делается акцент на существование поэтического братства Мы (которое либо важно само по себе, либо является ступенью к обобщению Мы в Они (как у Маяковского), либо предполагает объединение против Слова, которому Мы служат). Меняются эпохи, поэтические направления и авторские индивидуальности, но поэтическая декларация общности поэтов («трое или четверо») как субъектов, противопоставленных остальным, продолжает существовать.

Даже один из изводов бесконечно решаемой проблемы «поэт и другие» («нас мало», «нас много») позволяет воплотить бесконечное количество точек зрения, независимо от доминирующей идеологии и взглядов каждого поэта. «Подсчет поэтов» – одна из универсальных (наряду с «памятниками») возможностей предложить свое представление об отношениях «поэт и другие», разделив при этом иных на легко поддающееся счету (можно пересчитать по пальцам) меньшинство и тьмы «других».

Список литературы

1. Ахматова, А. А. Нас четверо [Электронный ресурс] / А. А. Ахматова. – Режим доступа: <http://stixi-poet.ru/achmatova-a-a/nas-chetvero-achmatova-a> – Дата обращения: 26.09.2013. – Загл. с экрана.
2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Худож. литература, 1972. [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/bahtin/01/index.html> – Дата обращения: 26.09.2013. – Загл. с экрана.
3. Бубер, М. Я и Ты. [Электронный ресурс] / М. Бубер. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/martin_buber/ya_i_ti/read/ – Дата обращения: 26.09.2013. – Загл. с экрана.
4. Вознесенский, А. Нас много. Нас может быть четверо... [Электронный ресурс] / А. Вознесенский. – Режим доступа: <http://rupoem.ru/voznensenskij/nas-mnogo-nas.aspx>. – Дата обращения: 26.09.2013. – Загл. с экрана.
5. Державин, Г. Р. Памятник [Электронный ресурс] / Г. Р. Державин. – Режим доступа: <http://rupoem.ru/derzhavin/ya-pamyatnik-sebe.aspx>. – Дата обращения: 26.09.2013. – Загл. с экрана.
6. Маяковский, В. В. Послание пролетарским поэтам. [Электронный ресурс] / В. В. Маяковский. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/ms7/ms7-151-.htm>. – Дата обращения: 26.09.2013. – Загл. с экрана.

7. Набоков, В. Нас мало – юных, окрыленных... [Электронный ресурс] / В. Набоков. – Режим доступа: <http://ruspoeti.ru/aut/nabokov/9366/>. – Дата обращения: 26.09.2013. – Загл. с экрана.
8. Пастернак, Б. Л. Собрание сочинений [Текст]: в 5 т. / Б. Л. Пастернак. – М. : Художественная литература, 1989. – Т. 1 : Стихотворения и поэмы. 1912–1931. – 751 с.
9. Пушкин, А. С. Моцарт и Сальери [Текст] // Пушкин А. С. Сочинения : в 3 т. / А. С. Пушкин. – М. : Худож. литер., 1985–1987. – Т. 2 : Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. – 1986. – С. 441–450.
10. Пушкин, А. С. Поэт [Текст] // Сочинения : в 3 т. / А. С. Пушкин. – М. : Худож. литер., 1985–1987. – Том 1 : Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила. – 1985. – С. 474–475.
11. Смеляков, Я. Три витязя [Электронный ресурс] / Я. Смеляков. – Режим доступа: <http://rupoem.ru/smeliakov/my-shli-vtroem.aspx>. – Дата обращения: 26.09.2013. – Загл. с экрана.
12. Тарковский, А. Стол накрыт на шестерых... [Электронный ресурс] / А. Тарковский. – Режим доступа: <http://rupoem.ru/tarkovskij/stol-nakryt-na.aspx>. – Дата обращения: 26.09.2013. – Загл. с экрана.
13. Цветаева, М. И. Все повторяю первый стих... [Электронный ресурс] / М. И. Цветаева. – Режим доступа: <http://rupoem.ru/cvetaeva/vse-povtoryayu-pegvuj.aspx>. – Дата обращения: 26.09.2013. – Загл. с экрана.

**WE AND OTHERS:
RUSSIAN POETS ON THEIR NUMBER**

S. Y. Artemova

Tver State University

The department of theory of literature

The article deals with one of the aspects of the “poet and crowd” theme on the material of the twentieth century poetry. The reflection of Russian poets on their number and its realization into the poetic word help embody the idea of the “poet and others” relationship, characteristic to the twentieth century poetry.

Key words: *the dialogue, the declaration and implementation, the poetic word, the twentieth century lyrics, the poetic "I", the lyrical subject*

Об авторах:

АРТЁМОВА Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: svart1@yandex.ru